

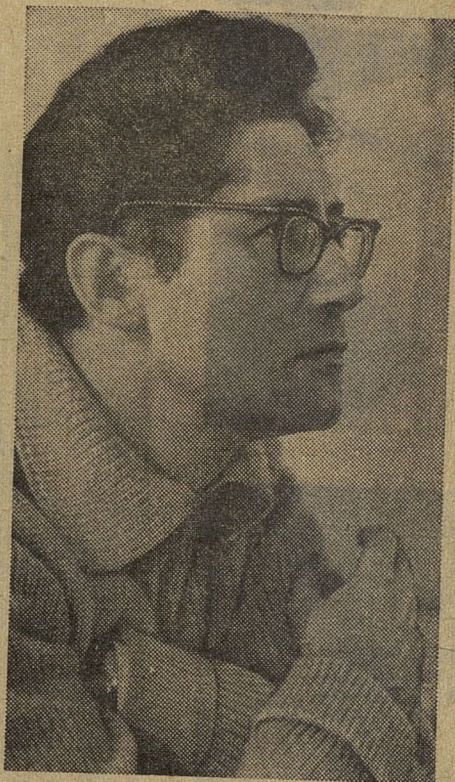
«Я

ОПРЕДЕЛЕННО УТВЕРЖДАЮ, что в наши дни нет актера, который бы не нуждался в руководстве режиссера; я боюсь, что сценический гений переселился из души актера в душу постановщика. Лично я выдвигаю следующее положение: подлинными авторами спектаклей последних лет являются не драматурги, а режиссеры.

Я процитировал Жана Вилара, французского режиссера и актера. Но не только Вилар называет наш век режиссерским. Это уже почти всеобщее мнение, с которым мало спорят. А актер? Изменилась ли его роль в современном театре? Очевидно, да, раз произошла перегруппировка сил. А как изменилась? Это зависит от режиссера. Есть режиссеры, которые превращают актера в глину для своего творчества. Режиссеру в театре подчинены свет, музыка, шумы, радио, и точно так же он подчиняет себе руки, ноги, голоса, темпераменты артистов. Такой режиссер предполагает художника и мыслителя только в себе. А актер в таких условиях и сам на себя начинает смотреть как на тубик с краской... Герой моего рассказа к таким режиссерам не относится.

Есть и другая крайность. Есть сторонники разделения труда: «Я ставлю, ты — играй!». Такой старинный, мануфактурный способ производства и ткань дает старомодную. Современный зритель идет в театр смотреть не артистов, а спектакль. А в театре работают люди разные, разных вкусов, поколений и главное — разных школ. И выходит разнотел, эклектика, самодетальность профессионалов. В первом случае есть спектакль, но подавлена личность актера, во втором — актер разворачивается «вовсю», а спектакля не получается... Но и здесь надо сказать: мой герой — не таков. Какой же он?

Борис Александрович Львов-Анохин родился в Москве, а учился в Ленинграде. Окончил актерский факультет, поступил на режиссерский. Когда он учился на втором курсе, в Ленинград приезжал Центральный театр Советской Армии со своими лучшими

дулоса» и неброской простотой «Фабричной девчонки», с сатирическим блеском «Добряков» и поэтической одушевленностью «Каса маре»? Оказывается, совмещаются прекрасно. Да, у Львова нет жанровых пристрастий. Ибо он исповедует в искусстве прежде всего гражданскую страстность и поэзию театра. Чистоту лирического самовыражения он больше всего ценит и в драматургии, и в актерском творчестве.

Б. Львов-Анохин, человек большой культуры и образованности, в своем режиссерском творчестве мало встречался с классикой, хотя он отлично «чувствует» себя в любой эпохе. Он истинный поборник современной драмы.

Те, кому случалось видеть, как Анохин репетирует, согласятся, что это увлекательно. Вот актеры читают пьесу за столом. Все как положено. Борис Александрович иногда останавливается, делает замечания. И вдруг поворачивает дело так, что вспыхивает эюд. Актеры уже «перестреливаются» словами, вскакивают с мест. Вот кто-то чуть сфальшивил, и режиссер сам включается в эюд. Он проигрывает целую сцену за героя, за героиню, за толпу. Однако, выходя на площадку, он всегда несколько сдерживает себя, чтобы не показывать ис-

их разные лики. У них у всех, удачных и неудачных, фамильное сходство.

Вот уже два сезона, как заслуженный артист РСФСР Б. Львов-Анохин возглавляет Московский драматический театр имени Станиславского. Он поставил несколько значительных, несхожих между собой спектаклей: «Материнское поле» (по повести Ч. Айтматова) — большое народное полотно и в то же время спектакль камерный, открывающий глубины человеческой души; «Шестое июля» по пьесе М. Шатрова; спектакль, предельно скупой по форме, но большого публицистического накала; одна из последних его работ — постановка сатиры Л. Зорина «Энциклопедисты».

Основное завоевание Анохина, по моему, в том, что театр имени Станиславского обретает свое лицо...

«Н

АВЕРНОЕ, ДОБРАЯ половина того, что можно прочесть о современном театре, написана теми, кто не только знает театр, но непосредственно в нем работает.

Б. Львов-Анохин не просто владеющий пером режиссер. Критика — вторая большая его профессия, его второе призвание.

Еще студентом Борис Александрович записывал целые роли и спектакли своих любимых артистов. Совсем не для печати, а для себя, чтобы сбегать то, что не повторится. Так он записал две роли Амвросия Бучмы. И, набравшись храбрости, пришел к самому артисту и прочел. Бучма очень серьезно отнесся к этой работе. А через некоторое время студенту позволили из издательства «Искусство» с предложением написать книгу о Бучме. Он перепугался. Позвонил в Киев: «Сумею ли я? И потом я не видел ваших прежних ролей, Амвросий Максимович!» — «Ничего. Я вам все расскажу и... покажу».

Месяц Львов-Анохин жил в Киеве. Целыми вечерами большой художник рассказывал гостю о своей дороге в искусстве, о прежних работах, проигрывая перед ленинградским студентом целые сцены. И получилась книга о замечательном артисте нашего времени.

Между режиссером Анохиным и критиком Анохиным много общего. Одно из свойств обоих — творческое постоянство. Едва ли не к каждой теме, взволновавшей моего героя в начале пути, он возвращается в зрелости. Балет, Уланова — тема для него неисчерпаемая, ее Анохин-критик несет через свою жизнь. Драматический режиссер — один из лучших наших критиков балета! Это плодотворно. Художник становится вдвое богаче, если в разрешении творческой проблемы, в поисках выразительности обращается за разгадкой к смежному виду искусства.

Б. Львов-Анохин написал несколько книг об Улановой, исследование о замечательной балерине Алле Шелест, множество статей. «Вы сказали словами то, что я чувствовала подсознательно», — пишет критику молодая балерина Е. Рябинкина, — я уверена, что дальше должна работать над ролью в таком плане, как Вы меня поняли».

Борис Александрович Львов-Анохин — один из тех людей в театральном мире, чье имя вызывает напряженный интерес у всех, кого волнует настоящее и ближайшее будущее нашего театра. В него верят. От него много ждут.

Юрий МОЧАЛОВ.

Фото Г. Рейнгольда и Л. Хлюппе.

ЕДИНСТВО ТАЛАНТА

- Внимание к актеру, внимание к жизни...
- Сцена из «Энциклопедистов» Л. Зорина — недавней работы Б. Львова-Анохина.

биография Бориса Александровича Львова-Анохина.

Б. Львов-Анохин очень рано определился как режиссер ясных пристрастий в искусстве, как художник определенных творческих убеждений. Но как совмещается определенность его художественных принципов с гротескной символикой «Средства Макро-

полнительно «как», а только подчеркнуть «что».

Львов-Анохин любит правду, добывает ее скрупулезно, любит, как он сам говорит, «маленькие «физические действия». Но не ради самих подробностей, а во имя большой поэтической правды, которую они, если верно найдены, несут в себе.

Как часто в погоне за буквальной правдой режиссеры заземляют спектакль, лишают его поэзии. А если стремятся к поэтическому обобщению — отрываются от земли, и пропадает конкретность действия. Соединить и то и другое — крайне трудно. На мой взгляд, это полностью удалось в спектакле «Каса маре», удивительном сплаве простоты и поэзии, жизненной правды и философской глубины. Что бы ни ставил Львов, это сочетание — неотъемлемая черта его спектаклей, его интимное, личное видение мира, где правда поэтична, а поэзия правдива. Поэтические преобразования мира — всегда, везде: и в сатирической стихии комедии, и в публицистике, и в психологической драме. Львов не боится разнообразия: на первый взгляд кажется даже, что индивидуальность режиссера поглощается широтой его творческой палитры. Но странное дело: спектакли Львова легко узнать, невзирая на

ми спектаклями, поставленными Алексеем Дмитриевичем Поповым. Львова захватили работы большого мастера. Так захватили, что он бросил режиссерский факультет и уехал в Москву «учиться у Попова». Поступил для этого во вспомогательный состав театра. Каждый вечер он выходил в толпе в шинелях и мундирах всех армий и времен. И — учился. Наблюдал и записывал репетиции большого мастера, стремясь проникнуть в тайну суровой простоты его искусства. Говорят, на репетициях Станиславского часто сидел какой-то молодой человек. И когда однажды его не оказалось, Константин Сергеевич с беспокойством спросил: «А где этот молодой человек, который так хорошо слушает?» Это был юный Попов. Так и Борис Львов-Анохин, еще артист вспомогательного состава, обращал на себя внимание творческой жадностью. Народная артистка СССР Л. И. Добрянская рассказывает: «Я видела в зрительном зале — глаза. В них отражался, как в зеркале, весь ход работы. И скоро я привыкла проверять по ним, верно ли репетирую».

После первого показа самостоятельных работ Попов доверяет ученику работу режиссера-лаборанта. Одна из первых режиссерских удач Львова-Анохина — спектакль «Повесть о настоящем человеке» (совместно с В. Белявским). Уже здесь виден почерк будущего мастера: раскрывая большую тему, он стремится отыскать мельчайшие зернышки жизненной правды и приходит через это к высокой поэзии. С этого спектакля, собственно, и начинается творческая